

Prati 1951 — *Prati A.* Vocabolario etimologico italiano. Torino: Garzanti, 1951.

Skok I — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1. Zagreb: JAZU, 1971.

Skok II — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 2. Zagreb: JAZU, 1972.

The Names for ‘doll’ in the Macedonian Dialects in a Wider Slavic Context (according to OLA materials)

The text discusses the names for ‘doll, puppet’ in the Macedonian dialects and their etymology, as well as the motivations for their derivation. This analysis provides an insight into the place of the Macedonian dialects in relation to this issue in the wider Slavic context. The name *kukla*, which is most widespread on the Macedonian dialect territory, connects the Macedonian dialects with the other East Slavic languages. Many of the names used in dialects, such as *kukla*, are borrowings from other languages. Those of Slavic origin, as well as borrowings, are basically derived from lexemes denoting a *young girl*. For this analysis, the dialect material from the *Slavic Linguistic Atlas* (OLA) is used, in which the Macedonian dialect territory is represented with 24 villages.

DOI: 10.31168/0459-6.25

Н. Е. Ананьева (Москва, Россия)

К вопросу о польских островных говорах

1. Острова (анклавы) польских диалектных идиомов разбросаны на значительной территории бывшего СССР. Традиционно о таких островных диалектах говорят по отношению к образованиям, оторванным от «материнской» территории и функционирующим на новой для них терри-

тории вследствие переселения (насильственного или добровольного — ср. польские говоры в Сибири и в Казахстане). Если первые (по крайней мере известные нам два анклава: генетически связанный с югом «материковой» Польши — малопольско-силезский — польский говор д. Вершина Боханского района Иркутской обл. и являющийся следствием переселения носителей мазурского диалекта, относящегося к северо-западной части Польши, говор деревень Александровка и Знаменка в Красноярском крае и Хакасии образовались в результате добровольного переселения поляков в ходе столыпинских реформ, то вторые возникли в результате принудительного перемещения в «goły step» в конце 1930-х гг. полноязычного населения с территории Юго-Западной Украины (в основном), а также Белоруссии. О типологии и языковых особенностях этих двух сибирских островов польского диалектного языка в последнее время много пишется, в том числе в нашем совместном с С. С. Скорвидом докладе на XVI Международном съезде славистов в Белграде (Ананьева, Скорвид 2018: 269–300). Поэтому сегодня мы не будем останавливаться на этих идиомах. Заметим только, что таких анклавов было гораздо больше и что число их с каждым годом уменьшается. Ср. превращение островного польского диалекта в идиолект единственной диалектоносительницы М. Маркиш в д. Белосток. См. также размещенную в Интернете историческую исследовательскую работу «Ссылльные поляки и их потомки на Земле Абанской» авторства Анастасии Витальевны Петровых, где выделяются три волны переселения поляков в этот регион (деревни Теребиловка, Турово, Огурцы, Средние Мангареки и др.) — ссылка участников Январского восстания, переселенцы в рамках проведения столыпинской реформы и насильственная депортация — и анализируется богатый по происхождению польский антропонимический материал (фамилии и имена потомков местных поляков).

Однако сам польский идиом здесь утрачен, и только одна из жительниц этого региона (не полька) вспоминает отдельные польские слова: *хустка* — платок, *пончохи* — чулки, *сподницца* — юбка, *вопёр* — кабан, *абалонка* — стекло в оконной раме. Последние две лексемы соотносятся с белор. *вяпрук* и *абалонка / балонка* и свидетельствуют о происхождении утраченных польских анклавов (что подтверждается указанием автора о переселенцах из Гродненской, Виленской и Минской губерний), связанных с северо-восточной разновидностью польского периферийного идиома.

2. Представляется, что в настоящее время понятие «островной польский диалект» (или анклав) может быть использовано и в отношении «материнского» диалекта, являющегося таковым для переселенческого островного; в частности, это касается юго-восточных Кресов. Некогда компактные полоноязычные массивы на этой территории превратились в отдельные островки. Этот процесс начался в конце 1930-х гг. в связи с репрессиями и высылками поляков в Казахстан, в частности с территорий существовавших польских автономных национальных районов (1926–1935 — Мархлевщина, охватывающая главным образом Житомирскую область, 1932–1937 — Держиньщина, расположенная на территории Минской области).

С. Б. Бернштейн свою первую научную (дипломную) работу посвятил полякам Волыни: изучал польский говор д. Белка на Житомирщине. Скорее всего, этот говор исчез, хотя отдельные польские «вкрапления» («островки») в окрестностях Житомира сохраняются, ср. монографию (Rudnicki 2000).

3. В память об этой первой (и, к сожалению, не изданной) работе С. Б. Бернштейна сопоставим языковые особенности двух польских анклавов в Хмельницкой области (деревни Шаровечка, или Шаравка, и Матьковцы) как относящихся к прежнему более обширному полоноязычному

«материнскому» ареалу и двух сёл вынужденных польских переселенцев в Казахстане (Озерное и Степное Келлеровского района Кокчетавской обл.). Поляки были вывезены в голую степь из разных пунктов, располагающихся главным образом в Хмельницкой области. Заметим, что наш материал имеет уже исторический характер, поскольку был собран 40 лет назад (в конце 1970-х и начале 1980-х гг.).

А) Общее собственно польское

- *i* || *y* как континуант «суженного» *e*: *s'n'ig* (— *sn'egu*) «śnieg», *xl'ip* (— *xl'eba*) «chleb», *ml'iko* «mleko», *v'i* «wie», *v'im* «wiem», *v'it'e* (Оз. — Ст.) — *v'ita* (Ш. — М.) «wiecie», *n'i ma* «nie ma», *zjim* «zjem», *zji* «zje», *dyszcz* (— *deszczu* || *dyszczu*) «deszcz», *ml'icz* «mlecz»;
- отсутствие чередования *e:o*: *ja b'ere* «biorę» — *b'eru* «biorą», *ja n'ese* «niosę» — *n'esu* «niosą» (|| редко в Оз. *n'osu*), *pszv'ezla* «przywiozła», *pszyn'esla* «przyniosła»;
- протетический *v*: *von'i* «oni», *vospa* «ospa», *vum'i* «umie», *vuxo* (Оз.) «ucho», *vuzex'i* «orzechy», *vorgan* (Оз.) «organy»;
- отсутствие носового в формах глаголы *być*: *bede* «będę», *bed'isz* «będziesz», *bedo* || *bedu* «będą»;
- полидиалектное лексико-фонетическое явление: звонкость *g* в морфеме *v'elg-* (*v'elg'i* «wielki», *v'elga* «wielka» и т. д.);
- лексикализованное фонетическое явление: *gl*, *gl'* (литер. *tl*, *tl'*) в *mgłośny*, *mgłośno*, 3 л. ед. ч. презенса *mgl'eji* (Оз.) «mdleje»;
- полидиалектные претеритальные формы с *n* в глаголах на *-(n)un't'* || *-(n)on't'* (литер. на *-(n)ąć*): *naczena* — *naczen'i* «zaczęła — zaczęli», *vz'ena* — *vz'en'i* (*vz'ena xl'ebu*, Оз.) «wzięła — wzięli»;
- сочетание числительного *dwie* с существит. в род. пад. мн. ч.: *dv'e ok'en*, *dv'e l'itruf*, *dv'e noruf*, *dv'e kaczyk* (Оз.);

- флексия *-och* в числительных: *dvox, tszox* (*v dvox, f tszox*, Оз.), *do dvox litrof* «do dwóch litrów», *tszox nazv'iskuf* «trzech nazwisk» (*nazwisko* здесь в архаическом значении 'nazwa' «название»);
- морфемы *-e* (< *e*) и *-ontko* || *-untko* (*-qtko*), обозначающие детеныша животного: *losze* (*loszen't'a* и т. д. Ш. — М.), *t'el'untko* (Оз.).

Б) Общее, относящееся к восточнославянскому влиянию и собственно украинизмы

Фонетика

- «иканье» / «ыканье» (в.-сл.), в том числе для безударного континуанта носового переднего ряда: *dźifczyna* «dziewczyna», *pujdy* (Оз.) «pójde», *voży* (Оз.) «wozę»;
- «уканье» (укр.), в том числе для безударного континуанта носового заднего ряда: *pulova* «połowa», *m'es"unc* «miesiąc», *dževu* (Оз.) «drzewo», *b'eru* «biorą», *un* (Ш. — М.) «on», *un* (Оз.) «on», *vožu* «wożą», *rudymka* (укр. *родимка*).

Морфонология

- альтернанты *pl'*, *bl'* в 3 л. мн. ч. презенса глаголов с губными перед *-ić* и глаголе *spać* (укр., только в Оз. — Ст.): *robl'o* || *robl'u* «robia», *l'ubl'o* || *l'ubl'u* «lubia», *spl'o* «śpia».

Морфология

- отсутствие категории мужского лица в имени и глаголе (в.-сл.);
- отсутствие личных показателей в формах прошедшего времени (в.-сл.): *ja pszyszla* «przyszłam», *ja rob'it* «robiłem»;
- флексия *am* в дат. пад. мн. ч. сущ. (*dźifczynam* «dziewczynom», *džėcam* «dzieciom»);
- репартиция стяженных — нестяженных форм им. пад. ед. ч. адъективов: нестяженный им. пад. ед. ч. м. р. (*xl'ip czarnuj, dużyj dyszcz, un tak'ij* — стяженные формы им. пад. ед. ч. ж. и ср. р. (укр.));

- флексия предл. пад. ед. ч. м. р. *-owi*, как и дат. (укр.): *na tatov'i, tatov'i* (*tato* по м. р., как в укр.), *bratov'i* «*bratu*»;
- флексия 1 л. мн. ч. презенса *-mo* (укр.) — только в Оз. — Ст.

Лексика украинского происхождения: *xopta* ‘сорняк’ (укр. *xopna*, польск. литер. *chwast*), *yukauka* (Оз.) ‘икота’ (укр. *гикавка*, польск. литер. *czkawka*), *yuka* (Оз.) ‘икает’ (польск. литер. *czka, ta czkawkę*), *barabola* ‘картошка’ (укр. *бараболя*, польск. литер. *ziemniaki, kartofla*), *xudoba* ‘скот(ина)’ (укр. *худоба*, польск. литер. *bydło*), *xmara* ‘туча’ (укр. *хмара*, польск. литер. *chmura*), *pozavczora* (Оз.) ‘позавчера’ (укр. *позавчора*, польск. литер. *przedwczoraj*) — по аналогии *pozajutro* ‘послезавтра’ (польск. литер. *pojutrze*), *toj* ‘этот’ (по В. Далю, церк. малорос., польск. литер. *ten*), *v'iszn' ank'i* (Оз.) ‘веснушки’ (укр. *веснянки*, польск. литер. *piegi*), *rudymka* (Оз.) ‘родинка’ (укр. *родимка*, польск. литер. *pieprzyk*), *v'ije* (Оз.) ‘ресницы’ (укр. *вія* ‘ресница’, польск. литер. *rzęsy*), *krejda* (Оз.) ‘мел’ (укр. *крейда*, польск. литер. *kreda*), *vereta* (Ш. — М.) здесь ‘простыня’ (укр. *верета* ‘толстая, грубая ткань, мешок из рогожи’, польск. литер. *prześcieradło*), *doczka* ‘дочка’ (укр. *дочка*, польск. литер. *córka*), *l'ud'ina* ‘человек’ (укр. *людина*, польск. литер. *człowiek*) и др.

В) Специфические особенности каждого анклава

Ш. — М.: флексии 1 л. и 2 л. мн. ч. презентных форм глагола *-ta* и *-ta*; лексикализованные и морфологизированные случаи с *o* на месте *a* долгого (*gadam, gadoma, kraszonka*); реликты мазурения (*cy, inacej*); лексемы *psześcieradło* ‘зеркало’ (ср. малоп. *przeźrzadko*, литер. польск. *lustro*), *osen'džel'ina* ‘иней’; переход *k* и *g* палатальных в *t'* и *d'*.

Оз. — Ст.: большая степень влияния украинского языка (флексия *-mo* в 1 л. мн. ч. презенса, альтернанты *pl'* и *bl'* в презенсе глаголов с основой на губно-губной согласный, значительный лексический пласт украинизмов).

Литература

- Ананьева, Скорвид 2018 — *Ананьева Н. Е., Скорвид С. С.* Островные западнославянские диалекты на территории России // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов, Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. С. 269–300.
- Rudnicki 2000 — *Rudnicki S.* Gwara polska wsi Korczunek koło Żyto-
mierza. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2000.

To the problem of Polish insular dialects

In this paper the concept of insular Polish dialect is applied not only to migrant dialects, but also (by the example of Polish dialects of Ukraine) to the vast compact in the past territory of the “mother” dialect, which now has been reduced to separate islands. The linguistic features of two Polish dialects in Ukraine (the villages of Sharovechka and Matkivtsi near Khmelnytsky) are compared with the linguistic features of two Polish dialects, the speakers of which were forcibly resettled from Ukraine to Kazakhstan (the villages of Ozernoe and Stepnoe near Kokchetav).

DOI: 10.31168/0459-6.26

Л. Л. Фёдорова (Москва, Россия)

Топонимы Резии и выражение пространственных отношений в резьянском языке

1. Резьянский язык (Rošajanske romonenj/langač) относится к южнославянским литературным микроязыкам, выделяемым А. Д. Дуличенко (Дуличенко 1981); он используется в общине Резия провинции Фриули-Венеция-Джулия в Италии. Сейчас на нем говорят менее 1000 человек, и все они билингвы или трилингвы (владеют итальянским и частично